

УДК 821.163.41

**ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧЬЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ У И. АНДРИЧА
И В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИИ****А.В. НАУМОВА***(Белорусский государственный университет)*

Рассматривается проблема исторического и культурного развития Боснии – славянского региона, где наиболее ярко проявился болезненный характер межцивилизационных столкновений, – с ракурса философских исследований и художественной литературы. Проводится сравнительный анализ разработок А. Тойнби, О. Шпенглера и С. Хантингтона – с одной стороны, и этноконфессиональных элементов художественной картины мира в произведениях югославского писателя, Нобелевского лауреата Иво Андрича – с другой. Соотносятся методологические и мировоззренческие установки признанных авторитетов в области цивилизационных исследований с основополагающими принципами построения картины межкультурного общения на Балканах у Андрича. Подчеркивается эффективность аппарата цивилизационных исследований для изучения проблематики литературного творчества.

Ключевые слова: *Иво Андрич, сербская литература, югославистика, пограничье цивилизаций, цивилизация, диалог культур, религиозные проблемы, этноконфессиональная проблематика, культурное многообразие, Балканы, Босния, Югославия, историческая проза.*

Введение. Считается, что термин «цивилизация» начал активно употребляться во время французского Просвещения, однако сам цивилизационный подход с собственными теоретико-методологическими основаниями формируется значительно позднее. Специфика цивилизационной парадигмы рассмотрения общества состоит в том, что она очень многообразна в своих содержательных версиях, а единого понимания центрального для всех теорий понятия «цивилизация» не существует.

В зависимости от исходных установок исследователей выделяют, как правило, три варианта рассмотрения социодинамики и, соответственно, три версии цивилизационного подхода – цивилизационно-стадиальную, цивилизационно-региональную и цивилизационно-локальную [1, с. 76]. Эти варианты очень разнообразны. Нас в контексте темы данной статьи будут интересовать те из них, которые фиксируют культурную детерминацию социодинамики и постулируют существование многочисленных локальных общностей, различных по своей природе.

Именно цивилизационно-локальный подход утверждает существование культурно-исторических образований констатирует их множественность и принципиальную несравнимость. В своих философско-исторических концепциях такие позиции отстаивали многие выдающиеся философы. Первая значительная разработка в этой сфере принадлежит русскому ученому Н.Я. Данилевскому [2], идеи которого формируют новое направление в развитии взглядов на общество. Следующую веху в этой области представляет разработка немецкого мыслителя Освальда Шпенглера «Закат Европы» [3]. Важным этапом в рассмотрении проблемы цивилизаций в локально-историческом ключе становится многотомный труд Арнольда Тойнби под общим названием «Постижение истории» [4]. Идеи А. Тойнби уточняет, критикует и переосмысливает Питирим Сорокин, считавший цивилизации системами не столько культурными, сколько социальными [5].

В дальнейшем появляется множество теорий, полемизирующих с вышеназванными, дополняющих их, развивающих и конкретизирующих. В конце XX века вырисовывается несколько доминирующих направлений развития таких исследований. Во-первых, пришло осознание того, что процессы глобализации, протекающие в современном мире, носят объективный характер, поэтому возникает вопрос о том, как локальные культурно-исторические общности будут реагировать на эти тенденции. Среди авторов, уделивших внимание этим проблемам, – У. Бек, Ю. Хабермас, И. Валлерстайн и др. [6; 7; 8].

Между тем кровавые страницы современной истории показали, что между такими общностями зачастую не хватает взаимопонимания, и это может привести к «столкновению цивилизаций». Из работавших в этом направлении авторов особенно заметен Самюэль Хантингтон, доказывающий, что этническая война – основная форма локального противостояния в конце XX и начале XXI века, которое на глобальном уровне превращается в войну цивилизаций. Кроме философии серьезный материал для выработки адекватного современным условиям взгляда на историю и культуру нам может предоставить искусство, и в частности – художественная литература. «Идею судьбы может сообщить только художник – портретом, трагедией, музыкой» [3, с. 182], – писал О. Шпенглер, рассуждая о том, что сухая историография не способна добиться того, что можно постичь через художественное произведение, «впитавшее» в себя душу культуры. А. Тойнби, характеризуя свой подход к изучению истории, говорил: «...поскольку на-

клон травинки действительно показывает, в какую сторону дует ветер, наблюдения сатирика могут оказаться хорошим руководством для историка» [4, с. 397]. Поэтому в самой сути цивилизационных исследований заложен интерес к различным формам искусства как богатой базе мировоззренческих ориентиров и культурного опыта.

Основная часть. В данной статье мы постараемся обозреть философию и литературу в их единстве, которое возможно сформировать относительно истории Боснии – того славянского региона, где наиболее остро проявилась болезненность межцивилизационных столкновений. Именно на этом примере можно продемонстрировать художественную и философскую концепцию пограничья, применимую для анализа и в югославском контексте, и по отношению к другим регионам, включая восточнославянский. Использование методологического потенциала философии для исследования художественных произведений, включающих проблематику межкультурного взаимодействия, поможет нам полнее раскрыть сущность феномена культурного пограничья. Симбиоз философии и литературы, по Самюэлю Хантингтону, должен позволить нам сформировать «ясную и полезную линзу, сквозь которую можно рассматривать международные процессы» [9, с. 8]. Подобные модели всегда имеют редуцированный характер, однако именно с их помощью может быть полноценнее осмыслена и классифицирована социальная реальность, а также определены причинные связи и перспективы развития. Мы постараемся использовать опыт цивилизационных исследований и художественной литературы, чтобы сформировать такую схему. Модель цивилизационного взаимодействия, рассматривающая боснийский край, может иметь прямо прикладной аспект. С. Хантингтон пишет, что «для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма», а «мировоззрения и причинные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики» [9, с. 28]. Авторы цивилизационных разработок в философии в основном напрямую не касаются Боснии. В большей степени внимание к этому краю проявляет лишь Самюэль Хантингтон, в силу того, что он стал свидетелем разгоревшейся здесь кровопролитной войны. Но даже его концепция – это взгляд со стороны, сосредоточенный, в первую очередь, на современности. В этом плане особую значимость для нас представляет видение югославского писателя, Нобелевского лауреата Иво Андрича. Во-первых, он выходец из Боснии; во-вторых, он профессиональный историк и философ, учился в Загребе на философском факультете, а в 1924 защитил в Граце докторскую диссертацию на тему «Развитие духовной жизни в Боснии под влиянием турецкого владычества»; в-третьих, он автор многочисленных исторических произведений, среди которых – два романа именно боснийской тематики («Мост на Дрине» и «Травницкая хроника»). Да и в ряде других произведений Андрич раскрывает историю турецкого этапа боснийской жизни, длившегося на протяжении пяти веков, и отражает специфику межнациональных отношений в этих краях.

Сразу оговоримся: мы намерены выработать модель на основании материалов философских разработок и художественной литературы. Нас интересует Босния Иво Андрича, и с реальной страной она соотносится настолько, насколько этого хотел сам писатель. При этом мы бы хотели, чтобы такая модель, в целом, была применима для анализа ситуации и в современной нам Боснии и Герцеговине, и в других странах мира, ибо боснийская ситуация представляет собой сосредоточение универсальных процессов, которые здесь представлены будто бы под увеличительным стеклом.

В качестве источника методологических установок для исследования проблематики творчества сербского писателя мы выбрали значительные цивилизационные исследования – «Закат Европы» Освальда Шпенглера, «Постижение истории» Арнольда Тойнби и «Столкновение цивилизаций» Самюэля Хантингтона. Выбор обусловлен тем, что названные работы считаются классическими в данном направлении, причем каждый из авторов представляет оригинальную концепцию и делает свои акценты. Да, это три различные методологии, однако они имеют немало точек соприкосновения, и на их основе можно выработать «общий знаменатель» для рассмотрения творчества Иво Андрича.

Итак, в данной статье мы проведем сравнительный анализ разработок А. Тойнби, О. Шпенглера и С. Хантингтона – с одной стороны, и этноконфессиональных элементов художественной картины мира в произведениях Иво Андрича – с другой. Известно, что каждый писатель, моделируя реальность в своих произведениях, не в состоянии передать мир во всем его многообразии, поэтому выбирает отдельную проекцию, в которой концентрируется его мировоззрение и особым образом расставляются акценты. Мы утверждаем, что художественное пространство в прозе Иво Андрича делится по доминирующему культурному признаку, и именно с точки зрения цивилизационной парадигмы он выстраивает мир и отношения людей в нем. Наш компаративный анализ проводится для того, чтобы соотнести методологические и мировоззренческие установки признанных авторитетов в области цивилизационных исследований с основополагающими принципами построения картины межкультурного общения на Балканах у Андрича.

Подход к рассмотрению истории. Первый критерий сравнения касается подхода к рассмотрению истории. О. Шпенглер в «Закате Европы» отрицает правомерность взгляда, который за основу построения всемирной истории берет местные, национальные принципы, центрирующиеся вокруг собственной

культуры. Рассматривать мировой процесс с таких позиций – значит, по О. Шпенглеру, «обладать кругозором провинциала» [3, с. 51]. «Мысли и перспективы, выступающие с притязанием на универсальное значение, но чей горизонт не распространяется далее духовной атмосферы западноевропейского человека» [3, с. 58], – вот основная проблема современных О. Шпенглеру (и, в какой-то мере, нам) философии, а также историософии. Такая тенденция действительно имеет место, и в том числе у героев И. Андрича: человеку свойственно считать свои ценности единственно верными, поэтому жители Боснии по-разному воспринимают мировые события. Город один, а оценки абсолютно разные: европейского консула, прибывающего в город Травник, «местные турки» ждут с одними чувствами, а у «райи всех трех вероисповеданий» свои ожидания и опасения. В романе «Мост на Дрине» нет единства между христианами и мусульманами в том, какой они помнят историю своего края. Сербы говорят, что земляной холм у моста – могила христианина Радисава. Мусульмане же считают, что на этом месте в давние времена «пал геройской смертью дервиш шейх Турхания» [10, с. 388].

Вот насколько разнится видение прошлого и современности жителями одного города. Еще сложнее добиться единодушия в оценках мировой истории жителями разных стран. «...Набросать картину истории, которая не будет зависеть от случайного местонахождения зрителя в пределах какой-нибудь – т.е. его – «современности» и от его свойств, как заинтересованного члена отдельной культуры» [3, с. 156], – вот к чему призывает О. Шпенглер своего читателя в начале XX века. Андрич примерно в то же время продемонстрировал действенность такого подхода в создании историко-философской теории и моделировании художественного мира. В доказательстве этого пойдем от противного: если бы Андричу не удалось выйти за границы своей идентичности, формируя свой взгляд на межэтнические отношения в Боснии, он бы, как выходец из этого края и заинтересованное лицо, не смог избавиться от соблазна показать историю своего края с позиций собственных культурных приоритетов. А в произведениях Андрича нет главного героя, нет героя-морализатора. Нет и персонажа, чье мнение заведомо неверно. Автор будто бы поочередно говорит устами каждого из героев, затем сам себя опровергает и голосом уже иного персонажа высказывает следующую гипотезу. Литературовед П. Лафта писал: «Даже если бы мы захотели обнаружить его [И. Андрича] в каком-то герое, увидеть его на одной стороне, старания были бы тщетными: он везде и нигде» [цит. по: 11, с. 317]. Таким образом, центрирование вокруг идеологии какой-либо культурной группы у Андрича отсутствует.

Основы нового взгляда на историю задает и А. Тойнби: «Историк должен вдохновиться стремлением не просто узнавать факты, но постигать их смысл. Высшим смыслом творческого поиска является поиск Бога, действующего в истории...» [12, с. 518]. О том же пишет О. Шпенглер: «Видимая внешность всякой истории, согласно этому, имеет то же значение, как и внешний облик отдельного человека, рост, выражение, манеры, походка, способ выражаться, деятельность. Все это материал для знатока людей» [3, с. 166]. Полезный для этого инструментарий, по А. Тойнби, – проведение сравнительного анализа, который, по его словам, давно используется в экономической сфере: «Сбор статистических данных с последующей обработкой их и составлением прогнозов – основа почти всех прибыльных предприятий в современном западном мире» [4, с. 96]. Собрать данные, обработать и дать прогноз – вот прикладная цель, которую вполне можно достичь с помощью цивилизационной парадигмы. Подобная установка согласуется с подходом Андрича к написанию его исторического, по сути, труда за который ему была присуждена степень доктора. Скрупулезный сбор фактов о жизни всех церквей на территории Боснии, истории книгопечатания, институтах управления при турках – это лишь материал для построения глобальной схемы формирования культурного пространства в границах нескольких цивилизаций. Андрич формирует парадигму жизнедеятельности «организмов большого стиля», «пишет историю с философской точки зрения» [3, с. 166] и выискивает «чистые формы, лежащие в основе всего становления глубоко скрытыми» [3, с. 169]. В центре его внимания находится целый организм – боснийское культурное пространство – и действующие внутри него элементы, общую схему взаимодействия и судьбу которых он пытается выстроить.

С точки зрения предлагаемого исследователями методологического подхода можно по-новому оценить прогностический потенциал истории. О. Шпенглер утверждает, что отныне, с тех пор как будет принят новый подход, «открывается возможность идти гораздо дальше, чем это могло рисоваться честолюбию всего предшествующего исторического исследования, которое по существу довольствовалось тем, что приводило в последовательный порядок прошедшее <...>, а именно: перешагнуть через настоящее, как предел исследования, и определить еще незакончившиеся фазы истории, устанавливая их тип, темп, смысл и результаты» [3, с. 180]. Творчество Андрича, писавшего в середине века о давней истории его Родины, заглядывает далеко в будущее. О. Шпенглер писал: «Только выдающийся человек способен почувствовать за общедоступными сцеплениями исторически подвижной поверхности глубокую логику становления, проявляющуюся в идее судьбы и обнаруживающую случайную роль именно этих поверхностных, бедных значением каждодневных образований» [3, с. 205]. И тот факт, что Андричу удалось рассмотреть или даже почувствовать логику становления некоторой общности, как раз обуславливает необходимость внимания к его творчеству.

Андрич – выходец из Боснии, а по О. Шпенглеру, «каждая из великих культур обладает тайным языком мироощущения, вполне понятным только тому, чья душа принадлежит к этой культуре» [3, с. 255]. Таковым и был Андрич, и он смог выразить свои ощущения в художественном тексте, чтобы читатель это тоже прочувствовал и, таким образом, принял. Писатель выступает своеобразным переводчиком скрытого смысла, тайны «души» своей культуры, транслирующим это понимание другим.

Идея культурного многообразия мира. Культурный фактор как основа идентичности. Следующая установка, общая у Андрича и западных исследователей, – идея априорной множественности культур и, соответственно, моралей и мировоззрений. Нет в произведениях Андрича единой правды, так как по О. Шпенглеру, «моралей столько же, сколько и культур, не больше и не меньше», и, «несомненно, в каждом выражении жизни любого культурного человека имеется изначальный, а priori в строжайшем кантовском смысле, свой склад, который заложен глубже всякого сознательного суждения» [3, с. 446]. А если у каждой культуры своя мораль, то и поведение представителя каждой из них будет определяться своими механизмами и правилами. А. Тойнби также порицает «тезис о «единстве цивилизации», считая его «ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков <...>. Одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру» [4, с. 86–87].

С. Хантингтон утверждает, что «для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь» [9, с. 14]. Герои произведений Иво Андрича – представители различных этносов. И этноконфессиональная принадлежность каждого из них является важным элементом образа в целом.

«Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части» [9, с. 185], – пишет С. Хантингтон. Доказательства этому есть у Андрича: веками живущие на одной территории под общей турецкой властью народы Боснии ненавидят друга, при этом вышеградские сербы с тоской смотрят вдаль, через Дрину, в Сербию, желая объединиться со своими братьями, с которыми они разделены государственной границей.

Культурный фактор как доминанту самоидентификации утверждает и А. Тойнби. Характеризуя историю Англии, он утверждает, что именно культурная схожесть помогает четко определить круг стран, которые можно объединить в единый комплекс: «...экономический план современного общества, несомненно, охватывает всю освоенную человеком поверхность нашей планеты. Вряд ли существует хотя бы один обитаемый уголок на Земле, с которым Великобритания не обменивалась бы товарами или услугами. В политическом плане также можно констатировать носящую глобальный характер взаимозависимость. <...> Однако как только мы переходим к культурному плану, действительные связи общества, к которому принадлежит Великобритания, с остальным миром окажутся куда скромнее» [4, с. 36]. Культура, по мнению А. Тойнби, «не только глубже первых двух слоев, но и фундаментальнее» [4, с. 87]. Априорный, глубинный характер культурных различий А. Тойнби объясняет, среди прочего, следующим: «Невозможно единообразное понимание единого и истинного Бога, ибо человеческая природа отмечена плодотворным многообразием, представляющим собой отличительную черту божественных трудов. Каждая человеческая душа воспринимает Его через свою призму <...>» [4, с. 539]. И поэтому мы не смеем понимать «каждую человеческую душу» одинаковым образом.

Раз культурный признак – основа идентичности, то классифицировать общества целесообразно именно с опорой на него. О. Шпенглер утверждает идею «множества мощных культур, <...> каждая из них налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [3, с. 56]. А. Тойнби также предупреждает нас о том, что «многообразие опыта различных цивилизаций предполагает многообразие мировоззрений» [4, с. 298], явно порицая доминирующую на тот момент и, возможно, до сегодняшнего дня «тенденцию рассматривать историю всех обществ и всех эпох под углом зрения демократии и индустриализма» [4, с. 394]. В концепции С. Хантингтона интересы национальных государств «в значительной степени определяются культурным и цивилизационным факторами» [9, с. 40], что явно предполагает их априорное различие. Такое деление налицо и в произведениях Андрича: в рамках одного государства существует несколько общностей, интересы каждой из которых противоположны, поскольку отражают ценности разных цивилизаций.

Религия как важнейший элемент, определяющий принадлежность к цивилизации. Итак, в качестве общего знаменателя всех теорий мы выделили культурную идентичность, которая разделяет людей на некие крупные единицы. Но, учитывая широту содержания данного понятия, стоит конкретизировать, какие формообразования культуры составляют костяк этой идентичности. С. Хантингтон утверждает, что «из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным <...> является религия. Когда все другие источники идентичности поколеблены, на первый план выходит именно она. В Боснии, на том этапе, люди говорили на одном языке, имели общее происхождение – казалось бы, у этих людей больше общего, чем различного, однако религия их разделяла нерушимой стеной. «Для людей, которые сталкиваются с необходимостью ответить на вопросы “Кто я?” и “Где мое место?”, религия пре-

доставляет убедительные ответы» [9, с. 142], – пишет С. Хантингтон. О. Шпенглер, кстати, еще более категоричен, в определении ведущей роли религии в формировании человеческой культуры. «И вот я утверждаю, – пишет философ, – что в основании всякого «знания» природы, хотя бы и самого точного, лежит религиозная вера» [3, с. 498]. Даже физическая картина мира для него – «отголосок и выражение религии» [3, с. 499], что последовательно обосновывается в «Закате Европы». Нас интересует не сама неоспоримость этого тезиса, а общее направление размышлений и у О. Шпенглера, и у С. Хантингтона. А. Тойнби в своем исследовании определяет вселенскую церковь как «основной признак, позволяющий предварительно классифицировать общества одного вида» [4, с. 82].

У И. Андрича конфессия также является основополагающим признаком принадлежности к той или иной цивилизации. Именно в религиозных установках кроются причины самых значительных противоречий между жителями Боснии.

С. Хантингтон пишет о глобальном возрождении религии во второй половине XX столетия. Андрич создавал свои романы в середине века и уже тогда, подчеркивая религиозную составляющую в образах своих героев, указывал на коренные мировоззренческие противоречия, которые препятствуют бесконфликтному взаимодействию этносов. В его произведениях речь идет о давнем прошлом, но общая тенденция неизменна до сегодняшнего дня. А в основе суждений тех, кто не принимает решающую роль религии в формировании ценностных ориентиров, по мнению С. Хантингтона, «лежит мирская близорукость. Тысячелетия человеческой истории доказывают, что религия – не “маленькое отличие”, а, возможно, глубочайшее различие, какое только существует между людьми» [9, с. 411].

Ясно, что религия не является единственным критерием идентификации и самоидентификации, но для нас в рамках рассмотрения межэтнических отношений в цивилизационном ключе все остальные критерии уходят на второй план. «В ходе войны многочисленные идентичности постепенно исчезают, и преобладающей становится идентичность, наиболее значимая в конфликте. Такая идентичность почти всегда определяется религией» [9, с. 434], – пишет С. Хантингтон. И обвинять Андрича в узости взглядов нельзя, так как искусство подразумевает схематизацию. Оно не может отражать жизнь многомерно, так как полнота художественной реализации возможна только при аккуратной фокусировке. По нашему мнению, Андрич фокусируется на модели мира, которая определяется богатыми культурными, конфессиональными различиями.

Оппозиция «мы» / «они». Большую роль в цивилизационной идентификации играет субъективное видение конкретной группой людей своего места в обществе, своей принадлежности и родственных связей с другими группами. Потурченцы, сделавшие сознательный выбор, сменившие веру и, таким образом, цивилизационно переопределившиеся в сторону другой цивилизации, вплоть до сегодняшнего дня подчеркивают, что их «мы» не имеет ничего общего с сербским «они». Никакие объективные факторы сходства и родства не в состоянии переломить субъективный выбор.

Это противопоставление «мы» / «они» в рамках цивилизационной модели представляет собой самый показательный механизм идентификации. Человек, давший себе ответ на вопрос о том, «кто я есть», непременно заметит, что ему противостоит группа, чей ответ будет существенно различаться. И самоутверждение будет зачастую продолжаться за счет поиска отличий своего «я» от враждебного «не-я». По С. Хантингтону, «идентичность на любом уровне – личности, племени, расы, цивилизации – можно определить только через отношение к “другим”» [9, с. 191–192], – таков базовый механизм самоопределения. В романе «Травницкая хроника» И. Андрич пишет, что в Боснии «каждая вера считает, что ее благоденствие и процветание обусловлены отставанием и упадком каждого из трех остальных вероисповеданий, а их прогресс может принести ей только ущерб» [10, с. 218]. Получается, самоутверждение строится на уничтожении своего «цивилизационного противника». Тем, кто не осознает этот механизм, может показаться, что речь идет о какой-то особой агрессии и ситуативной ненависти. Приняв цивилизационную модель, мы убеждаемся: это базовые механизмы, которые работают всегда и везде, не имея исключений. Исторически так сложилось, что именно в андричевской Боснии таких общностей много, и живут они слишком близко друг к другу, поэтому такое противопоставление «я»/«не-я» по религиозному признаку становится наиболее очевидным. Но это абсолютно естественная схема, работающая с любым этносом и в любой точке земного шара. Проблема Балкан и, в частности, Боснии, лишь в том, что здесь общностей, стремящихся себя противопоставить друг другу, слишком много, и живут они бок о бок. Это, естественно, создает напряжение. Именно в этом кроются корни боснийской ненависти, о которой пишет автор в рассказе «Письмо, датированное 1920 годом». Другое дело, пустим ли мы эту ненависть в русло конфликта или сделаем все от нас зависящее, чтобы его предотвратить.

Братские страны, стержневые государства и единства «более крупного масштаба». Опираясь на методологию авторитетных авторов, мы определили, что художественное пространство произведений Андрича делится на несколько локальных групп, различать которые стоит, преимущественно, по культурному и, уже, религиозному, признаку. Однако насколько эти группы (например, боснийские мусульмане, сербы и хорваты) самодостаточны и независимы? Каждую из них стоит рассматривать автономно

или необходимо рассмотреть более широкий круг культур, в который входят и вышеперечисленные? Говоря о конфликтах между странами и группами из различных цивилизаций, С. Хантингтон обращает внимание на то, что каждый такой конфликт шире локальных рамок. Он выходит на цивилизационный уровень, так как «страны и группы из этих цивилизаций призывают к помощи своих “братских стран”» [9, с. 24]. Демонстрируется такая тенденция и в произведениях Иво Андрича, а именно, в разделенном Травнике, где католики поддерживали австрийского консула, мусульмане – турецкую власть, а православные возлагали надежды на приезд русского консула. «Когда приходит кризис идентичности, для людей в первую очередь имеет значение кровь и вера, религия и семья. Люди сплачиваются с теми, у кого те же корни, церковь, язык, ценности и институты и дистанцируются от тех, у кого они другие» [9, с. 187], – так описывает ситуацию С. Хантингтон, и именно так происходит в романах Андрича.

А. Тойнби также рассматривает в качестве субъекта истории «единицу более крупного масштаба, чем нация» [4, с. 30]. В Боснии такую единицу составляют, по С. Хантингтону, коренные этносы вместе с «братскими странами», у Андрича – этносы Боснии вместе с далекими центрами, которые они поддерживают: «Все вы живете под одним небом, и питает вас одна земля, но *центр духовной жизни каждой из вер* далеко, в чужих краях – в Риме, Москве, Стамбуле, Мекке, Иерусалиме или Бог знает где, только не там, где народ рождается и умирает» [10, с. 218]. Рано или поздно ответив для себя на вопрос «Кто мы?», каждая этническая общность однозначно определяется в выборе своих друзей и врагов. А. Тойнби в связи с этим показывает, что английскую историю нельзя рассматривать изолированно. Он подробно исследует ход английской истории, чтобы определить круг стран, которые допустимо объединить с Англией в общее цивилизационное пространство. Если попытаться рассмотреть историю Боснии на тот же предмет, то таких общностей, связанных с Боснией на протяжении ее истории, окажется сразу несколько. И доминирующее влияние будет определить крайне сложно. Остается только констатировать его многовекторность. Фактор доверия, которое «легче всего возникает на почве общих ценностей и культуры» [9, с. 195], – вот что, по С. Хантингтону, обеспечивает целостность региональных союзов и что обуславливает лояльность сербов к политике России, хорватов – к политике европейских держав, а бошняков – к политике Османской империи. В «Травницкой хронике» европейские события начала XIX века саму Боснию не затрагивают, но каждая этническая группа «болеет» за то или иное развитие событий. Именно тот факт, что в противостояние внутри таких стран включаются братские страны, выводит конфликты на глобальный уровень. В центре внимания Андрича в «Травницкой хронике» всего несколько лет из жизни малоизвестного боснийского города Травника, но, по сути, перед нами разворачиваются события мировой истории. «В расколотой стране основные группы из двух или более цивилизаций словно заявляют: “Мы различные народы и принадлежим к различным местам”» [9, с. 209], – именно так размышляют жители андричевской Боснии, обращаясь в своих мыслях к далеким «центрам». С. Хантингтон вводит свою терминологию, определяя всех участников межцивилизационного столкновения на разных уровнях. Братские страны, представляющие собой ведущие государства, центры, вокруг которых группируются остальные народы, принадлежащие к той же самой цивилизации, он называет *стержневыми странами*. Они считаются «источниками культуры этой цивилизации» [9, с. 203].

И конфликты на таких линиях разлома структурируются по аналогичной схеме: «Межцивилизационный конфликт принимает две формы. На локальном (или микроуровне) возникают *конфликты по линиям разлома*: между соседними государствами, принадлежащими к различным цивилизациям, внутри одного государства между группами из разных цивилизаций <...>. На глобальном, или макро уровне, возникают *конфликты между стержневыми государствами*» [9, с. 324]. Оба уровня – и глобальный, и локальный – просматриваются в романах Андрича. Внутри Боснии взаимодействуют собственно «главные герои», за каждым из которых стоит свое стержневое государство.

Линии разлома. С. Хантингтон пытается многосторонне описать феномен цивилизации и, среди прочего, выделяет два ее признака. Первый из них – то, что цивилизации «являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций» [9, с. 52]. Андрич в романе «Мост на Дрине» в течение нескольких веков обозревает историю города Вышеграда, и за это время, вплоть до начала XX века, соотношение основных сил культурного противостояния остается абсолютно неизменным. Также С. Хантингтон утверждает, что «границы между ними редко бывают четкими» [9, с. 52], и тем самым позволяет всерьез говорить о феномене пограничья цивилизаций – некоей переходной зоне, или, по терминологии самого С. Хантингтона, линии разлома.

Сначала очертим границы интересующих нас разломов, причем в концепции С. Хантингтона тут просматривается и роль белорусских земель как форпоста, пограничья между западной и православной цивилизациями. Как и в случае с Боснией, эти сложные процессы формирования границ здесь начались давно: с тех пор как «были обращены в западное христианство Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье», «восточная граница западной цивилизации стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений еще надолго» [9, с. 64]. С. Хантингтон очерчивает границы западной цивилизации, и именно за ней находятся и Беларусь, и страны бывшей Югославии: «Начинаясь

на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока» [9, с. 243]. И далее: «На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это – культурная граница Европы» [9, с. 244]. Естественно, каждое пограничье имеет свою специфику, и неправомерно проводить прямые параллели между ними, однако общая методологическая основа и специфика жизни на таком пограничье универсальна. А. Тойнби также очерчивает границы западной цивилизации, делая акцент на том, какие территории играли роль форпостов: у западной границы – это Польша со стороны Запада, и мы делаем вывод, соответственно, что белорусские земли играют роль форпоста по другую сторону. На юге, на Балканах, эта граница перемещалась по мере разворачивания борьбы между Османской и Дунайской (Австро-Венгерской) империями за сферы влияния. Эту борьбу как раз отражает Андрич в романе «Мост на Дрине». Она во многом обусловила многовекторность процессов развития в этом регионе. Судьбу Дунайской империи А. Тойнби, кстати, связывает с судьбой Османской: пока существовала последняя, создавая вызовы и удары, имело смысл существование первой. С исчезновением Османской империи гибнет и Австро-Венгрия. Именно в этот момент рушится мост над рекой Дриной, ранее связывавший Запад с Востоком. Как раз тогда исчезают две империи, символизировавшие два «крайних полюса» – Запад и Восток. Противостояние концентрируется в едином клубке и достается по наследству «государству-преемнику как империи Габсбургов, так и Османской империи [4, с. 160]» – Югославии, взявшей на себя всю тяжесть роли форпоста, соединившей в себе культурные комплексы, принадлежащие разным цивилизациям. А. Тойнби пишет о том, что это государство-преемник включает в себя территории, «унаследованные от двух разных династических государств», и хранит «следы культуры двух разных цивилизаций» [4, с. 160]. Стоит уточнить, что не двух, а трёх: элемент православной цивилизации на Балканах никогда не умирал, он только укреплялся под напором вызовов. А. Тойнби осторожен в прогнозах: «Этот смелый политический эксперимент может иметь успех, может и провалиться» [4, с. 160].

С. Хантингтон более категоричен в утверждении нежизнеспособности таких образований, так как стал свидетелем кровавых конфликтов на их территории. Он буквально взывает к человечеству, предупреждая его об опасности культурных конфликтов. И наиболее острыми считает те столкновения, «которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями» [9, с. 25].

Иво Андрич наблюдает за процессом формирования разлома в докторской работе и в своих романах, которые осмысливают историю этого края, начиная с первых веков турецкого нашествия. А в рассказе «Письмо, датированное 1920 годом» автор предостерегает читателя: «Босния – страна ненависти и страха», и «это – ненависть, выступающая самостоятельной силой, находящая цель в самой себе. Эта ненависть поднимает человека против человека и затем приводит к нищете и страданиям или укладывает в могилу обоих врагов: ненависть, словно раковая опухоль, поражает вокруг себя все, с тем чтобы под конец и самой погибнуть» [13, с. 346].

Кстати, именно с такими определениями Боснии, как «страна ненависти», связаны основные претензии боснийских критиков, литературоведов, идеологов и политиков по отношению к Андричу. Считается, что подобными заявлениями Андрич спровоцировал произошедшее в Боснии в 1990-х гг. Оценку такой ситуации предлагает С. Хантингтон: он утверждает, что «различия между светскими идеологиями <...> можно как минимум обсуждать, как максимум разрешить. Разногласия в материальных интересах также можно уладить путем переговоров и свести к компромиссу, что невозможно в случае с вопросами культуры» [9, с. 193]. Противоречия в культурной сфере связаны с базовыми ценностными установками каждого человека: не могут быть с легкостью решены такие споры, так как связанные с ними реалии «имеют глубокое историческое, культурное и эмоциональное значение для спорящих сторон» [9, с. 193]. Никаких компромиссов здесь быть не может. «Человеку свойственно ненавидеть [9, с. 193]», – пишет С. Хантингтон. Возникает, по его мнению, ««динамика ненависти», сравнимая с “дилеммой безопасности” в международных отношениях, в которой взаимные опасения, недоверие и ненависть подпитывают друг друга» [9, с. 432]. С. Хантингтон будто вторит Андричу, писавшему о том же десятилетиями ранее. И природу такой ненависти на почве культурных различий ученый объясняет так: «Естественно, люди не доверяют тем, кто отличается от них и имеет возможность причинить им вред, и видят в них угрозу [9, с. 194]». Об этом же говорит Андрич в рассказе «Письмо, датированное 1920 годом». Поэтому не стоит искать в подобных констатациях писателя каких-то провокационных подтекстов, нужно лишь принять парадигму столкновения цивилизаций как данность и искать пути смягчения таких противоречий. О. Шпенглер, говоря о многообразии культурных форм нашей планеты, утверждает, что «чужая сфера мыслей», то есть менталитет представителей иной культуры, «в своей глубине и подробностях все же навсегда останется для нас безмолвной» [1, с. 257], как бы мы ни старались ее понять. Это следствие тех фундаментальных различий, которые лежат в основе этих культур. Если непонимание между культурами – аксиома, то почему мы удивляемся, что Боснию, небольшую страну с четырьмя исконными этносами, Андрич называет страной ненависти? По С. Хантингтону, такое болезненное положение дел – сущностная, неотъемлемая

характеристика таких разломов, просто проявляются они в каждый момент по-разному: «периоды взаимной подозрительности» чередуются с «жестокими вспышками насилия». И далее: «Историческое наследие конфликтов существует, и им пользуются те, кто считает это выгодным для себя» [9, с. 420].

«Общества, объединенные идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделенные культурами, распадаются» [9, с. 25], – предсказывал С. Хантингтон. «Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами и государствами из различных цивилизаций» [9, с. 27]. Едва ли такая перспектива может радовать. Возникает необходимость предпринимать конкретные действия, для того чтобы сохранить целостность отдельных регионов или, по крайней мере, избежать кровопролития. Андрич такую опасность осознал, и этим можно объяснить его негативные оценки по отношению к турецкому этапу истории в Боснии, которые наиболее ярко представлены в его докторской диссертации. Тем более, А. Тойнби говорил о том, что в развитии цивилизации (культурной общности) «принцип непрерывности представляет собой сущность движения роста» [1, с. 462], – именно поэтому философ считает механизмы архаизма и футуризма несовместимыми с любого рода прогрессивным развитием. Эта непрерывность как раз отсутствовала в развитии боснийского общества.

«Совмещение несовместимого». Некоторые боснийские критики воспринимают Андрича как писателя, занимающего «отрицательную позицию по отношению к исламу, губительность которого он обличает и проектирует в образе деструктивного человека, руководимого темными силами ненависти и злобы и появившегося как результат исламизации христианского населения и османской власти в Боснии» [14, с. 221]. Многие утверждают, что Андрич всячески критиковал последствия турецкой власти в Боснии, а значит, и исламскую культуру. Однако можно возразить: критика власти Османской империи – это лишь критика тех последствий, которые имели место в Боснии в результате наложения исламской культуры на исконно христианское сознание боснийцев. Ценное замечание в этом плане делает А. Тойнби: «... элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте» [11, с. 472]. Не будем прямо привязывать данное высказывание к боснийской ситуации и спешить назвать последствия внедрения ислама на христианскую почву Боснии разрушительными. Но тот факт, что это нарушило течение естественного процесса, сомнению не подлежит. А. Тойнби, как и Андрич, констатирует особую опасность внедрения чужеродного элемента в рамках культурного взаимодействия. Элемент культуры не может быть окрашен положительно или отрицательно, он лишь может быть на своем месте или не на своем. А. Тойнби наглядно демонстрирует это на примере точных наук: «Судьба Хиросимы и Нагасаки продемонстрировала, что изначально безобидные вещества превращаются в смертельно опасные, стоит нарушить естественную связь ядра с электронами. <...> Атом социальной жизни также поддерживает равновесие сил, и, пока это равновесие не нарушено, выбросов энергии не наблюдается» [11, с. 472]. Когда новый элемент (ислам в Боснии) изолированно попадает на новую почву, реагирует вся система, и обществу «удается сохранить социальное здоровье, только приспособив старые структуры к новому элементу. А это часто равносильно замене всей старой структуры» [11, с. 472]. Но не стоит в перенесении этой модели на боснийскую почву концентрироваться только на влиянии ислама. Не менее болезненно принимают боснийцы в романе Иво Андрича новшества, привнесенные австрийской властью. Подобно тому, как Андрич в докторской диссертации рассматривает результаты внедрения ислама на боснийскую почву, А. Тойнби раскрывает негативные последствия переноса западного института демократического правления в африканское общество.

Заключение. Итак, сравнительный анализ разработок известных философов и принципов построения художественной картины мира в произведениях Иво Андрича обнаружил большое количество точек соприкосновения между ними. У И. Андрича, А. Тойнби, О. Шпенглера и С. Хантингтона схожие взгляды на принципы рассмотрения истории. Все мыслители утверждают идею культурного многообразия мира, культурный фактор считают основой идентичности, а религию рассматривают в качестве важнейшего элемента, определяющего принадлежность к цивилизации. Особое внимание они уделяют существованию на «линиях разлома», или на пограничье цивилизаций.

Цивилизационные исследования предлагают эффективный инструментарий для исследования подобной проблематики литературного творчества. Они формируют парадигму для изучения общества, определяют перспективы его развития, предостерегают от глобальных войн и столкновений, помогают обозначить доминанты идентичности человека и выработать сбалансированную схему взаимодействия в обществе, где каждый стремится противопоставить себя соседу. Такие модели имеют большой прогностический потенциал, и их детализация по отношению к конкретному региону может оказаться особо продуктивной. Схожи в своих базовых характеристиках, в самых общих методологических и ценностных установках концепции рассмотрения общества О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона и И. Андрича. Этот факт говорит о том, что идеи поистине «витали в воздухе» на протяжении всего XX века, и в той или иной форме выразились в трудах выдающихся мыслителей разных стран – Германии, Великобритании, США, Югославии.

Творчество Андрича является важным источником идей, необходимых для построения этих моделей. Литература зачастую способна донести идею более доступно, чем концентрированные формулировки науки или философии. Констатации как таковые могут быть убедительными, хорошо аргументированными и выверенными, но довольно трудно заставить мир не только понять посыл философа, но и поверить ему, сменив принятые в обществе стандарты на обновленные. Если же какую-то концепцию облечь в художественную форму и с помощью средств искусства заставить читателей прочувствовать ее, можно добиться многого, усвоить важные уроки, которые помогут решить ряд важнейших вопросов современности, избежать кровопролития и определить стратегию развития собственного государства, находящегося в стадии транзитивного общества. Творчество Иво Андрича имеет такой потенциал. Поэтому нельзя игнорировать такие произведения, их нужно внимательно анализировать, акцентируя в них основной мировоззренческий посыл и раскрывая то измерение, которое сможет способствовать продуктивным общественным изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: Асар, 2007. – 377 с.
2. Данилевский, Н. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Данилевский. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. – 812 с.
3. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск : Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. – 584 с.
4. Тойнби, А. Д. Постигание истории: избранное / А. Д. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 637 с.
5. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: Исслед. изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гум. ин-та, 2000. – 1054 с.
6. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
7. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2004. – 354 с.
8. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2008. – 186 с.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ. – СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.
10. Андрич, И. Травничкая хроника. Мост на Дрине / И. Андрич. – М. : Художественная литература, 1974. – 686 с.
11. Vučković, R. Velika sinteza (o Ivi Andriću) / R. Vučković. – Sarajevo : Svjetlost, 1974. – 546 s.
12. Тойнби, А. Д. Постигание истории : сб. / А. Д. Тойнби. – М. : Прогресс. Культура, 1996. – 607 с.
13. Андрич, И. Собрание сочинений : в 3-х т. / И. Андрич. – М. : Художественная литература, 1984. – Т. 1 : Рассказы и повести. – 479 с.
14. Тутъевић, С. Андрић и муслимани (о једном виду рецепције дјела Иве Андрића) / С. Тутъевић // Свеске Задужбине Иве Андрића, 19. – Београд : Задужбина Иве Андрића, 2002. – С. 221–236.

Поступила 18.01.2016

THE PHENOMENON OF CIVILIZATION BORDERLAND IN IVO ANDRIC'S WORKS AND IN THE CIVILIZATION RESEARCH STUDIES

A. NAUMOVA

The article represents an attempt to consider the problem of historical and cultural development of Bosnia - the Slavic region, where painful character of intercivilization collisions showed up most brightly, - on the material of philosophical researches and fiction. Comparative analysis of the ideas of Arnold Toynbee, Oswald Spengler and Samuel Huntington on the one side, and the ethnic and confessional elements of the artistic picture of the world on the other is conducted. The comparative analysis of the ideas of Arnold Toynbee, Oswald Spengler and Samuel Huntington on the one side, and the ethnic and confessional elements of the artistic picture of the world in literary works of the Yugoslavian writer, Nobel prize winner Ivo Andric on the other is conducted. The methodology and world outlook of the recognized authorities in area of civilization researches are brought into correlation with Andric's fundamental principles of cross-cultural communication's construction on Balkans. Efficiency of civilization researches' methodology for the study of literary works' problems is emphasized.

Keywords: Ivo Andric, Serbian literature, Yugoslavia studies, civilization borderland, civilization, the dialogue of cultures, religious problems, ethno-confessional issues, cultural diversity, the Balkans, Bosnia, Yugoslavia, historical prose.